

Козлов Олег Владимирович

**ШВЕЙЦАРСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Статья раскрывает особенности восприятия дореволюционными российскими педагогами истории швейцарской системы школьного образования с начала XIX века до принятия Конституции 1874 года, гарантировавшей обязательное всеобщее обучение детей во всех кантонах Швейцарии. Постоянный интерес российских историографов к швейцарскому опыту был вызван стремлением использовать последний в процессе организации собственной системы народного образования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/26.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-115. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

на которых крайне правые могли бы стать единой политической силой. Национал-консерватизм и национал-демократия, несмотря на схожие базовые положения, уже оформились как различные политические течения в рамках одного идеологического направления, подобно сталинизму и троцкизму в левой политической теории. В дальнейшем мы увидим, какое из рассмотренных в данной статье течений сможет проявить себя адекватно политическим реалиям и окажет наибольшее влияние на молодежную политическую активность.

Список литературы

1. **Верховский А.** Крайне правые в России в 2012-м году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/10/d25578/> (дата обращения: 01.05.2013).
2. **Гриффин Р.** От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // *Верхи и низы русского национализма: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 223-254.*
3. **Зверева Г.** Националистический дискурс и сетевая культура // *Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005, 2 (29). С. 25-40.*
4. **Кожевникова Г.** Русский национализм сегодня: масштабы угрозы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/11/d20231/> (дата обращения: 01.05.2013).
5. **Тарасов А.** Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_2965.html (дата обращения: 01.05.2013).

FEATURES OF EXTREME RIGHT-WING POLITICAL ASSOCIATIONS FUNCTIONING IN CONTEXT OF YOUTH POLITICAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIA

Kinzhuvaev Rinat Zinurovich
Astrakhan' State University
rinat.kinzhuvaev@gmail.com

The author discusses the modern state of extreme right-wing political sector in Russia and the role of youth in it, gives his own typology of extreme right-wing associations basing on the current development of political process in Russia, considers the features of functioning and the social base of extreme right wing various courses, and in conclusion analyzes the prospects for youth political activity in extreme right-wing associations in the context of political system features in Russia.

Key words and phrases: youth political associations; parties; extreme right wing; national-conservatives; national-democrats.

УДК 94(494)

Исторические науки и археология

Статья раскрывает особенности восприятия дореволюционными российскими педагогами истории швейцарской системы школьного образования с начала XIX века до принятия Конституции 1874 года, гарантировавшей обязательное всеобщее обучение детей во всех кантонах Швейцарии. Постоянный интерес российских историографов к швейцарскому опыту был вызван стремлением использовать последний в процессе организации собственной системы народного образования.

Ключевые слова и фразы: система образования Швейцарии; первая половина XIX века; Швейцария; дореволюционная российская историография; Лагарп; Александр I; Песталоцци; Фелленберг.

Козлов Олег Владимирович, д.и.н., профессор
Смоленский государственный университет
olegkoz28@gmail.com

ШВЕЙЦАРСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

В российской историографии XIX века по мере изучения швейцарского опыта в сфере образования сложилось устойчивое мнение, что «целесообразно, полно и гармонично почти во всех своих частях развивается школьное дело в Швейцарии, где образовательные учреждения, по справедливости, составляют народную гордость» [2, с. 1]. Такому восприятию образовательных успехов этой небольшой альпийской страны, безусловно, способствовал ученик швейцарца Лагарпа – император Александр I, поддержавший «...главную идею Просвещения о первостепенном значении образования» [8, с. 155]. Процесс формирования такой позиции был отражен в письмах Лагарпа «русскому царю по вопросам совершенствования системы образования» [7, с. 93], с некоторыми из которых русская публика смогла ознакомиться благодаря публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 1, 2) за 1871 год (подробнее о влиянии Лагарпа на реформы императора Александра I в сфере образования см.: [1]).

Не только Александр I, но и российская общественность воспринимала Швейцарию как «родник современной педагогики», страну, где «все направлено... для наилучшего обеспечения жизненных потребностей, и ее школы отвечают этим запросам в совершенной степени» [2, с. 1]. Император считал, что система обучения, опирающаяся на идеи И.-Г. Песталоцци и основанная на труде, свободе и христианской морали, способна преобразить и российское общество. Министр иностранных дел Нессельроде, подтверждая особое пристрастие императора к Швейцарии, свидетельствовал, что Александр I, действительно, рассматривал швейцарские кантоны «как самобытную практическую школу, а их педагогические и аграрные институты – как самые лучшие из когда-либо созданных в образовании зарубежных стран» [8, с. 159].

В целях скорейшего развития педагогических знаний в России Александр I поддержал, в том числе и материально, издание работ великого педагога. И.-Г. Песталоцци, ответил ему благодарственным письмом, в котором заверил, что «ваши государства более пригодны, чем иные... руководствоваться в воспитании своей юности сутью простых психологических принципов» [3, с. 195]. В русской печати появились публикации о педагогических методах Песталоцци [6, с. 29]. По указанию Александра I в Швейцарию были отправлены представители российских дворянских семей для обучения у швейцарского педагога Э. фон Фелленберга [5, с. 53-59].

Педагогическая общественность России живо интересовалась историей развития образовательной системы Швейцарии, полагая, что, как и в России, «школьное дело даже в кантонах передовых к концу 18 века было на низкой ступени развития; народные школы функционировали только зимою с несколькими часами занятий в летнее время; учителя были сами малосведущи, зависели от пасторов, труд их плохо оплачивался, содержание их составлялось из взносной платы детей, крайне недостаточной, почему учителя должны были заниматься вдобавок каким-либо ремеслом или прислуживать в церкви и т.п., чтобы снискать себе необходимое пропитание» [2, с. 4]. Российских педагогов, прежде всего, интересовало: возможно ли использовать у нас швейцарский опыт преодоления отсталости в образовательной сфере?

При этом деятели просвещения дореволюционной России учитывали тот факт, что Швейцария на рубеже XVIII-XIX вв. оказалась втянутой в гущу европейских политических событий, а «Французская революция, охватившая разные стороны народной жизни, задела и отношение государства к школе. Уже из ее отрицательного отношения к Церкви естественно следовало, что образование народное должно быть изъято из ведения духовенства. Идеи эти проникли в Швейцарию, которая в 1798 г., по примеру Франции, постановила, что забота об образовании и воспитании юношества должна лежать на правительстве» [Там же, с. 5]. В Швейцарии, преобразованной в Гельветическую республику, была принята Конституция, представляющая собой почти точную копию с французской. В республике «учреждалось министерство наук и искусств, на которое возлагалась обязанность следить за развитием этих последних и способствовать... путем законодательных постановлений и материальной поддержки. Таким образом, забота о народном образовании впервые была возложена на государство» [4, с. 14].

Как известно, «первый министр наук и искусств – Филипп Альбрехт Штанфер, энергично взявшийся за дело распространения народных школ, устройстве учительских семинарий и т.п., в 1800 году из полученных на запросы ответов о положении народного образования во всех частях Гельветической республики мог убедиться, как мало оно подвинулось вперед. Издаваемые в это время законы и постановления, касающиеся народного образования, несомненно дали бы сильный толчок его развитию... само министерство отпускало суммы на содержание низших и средних школ, учительских институтов. Но будучи ареной войны других государств, разоряемая этими войнами, раздираемая внутренними партийными распрями, Гельветическая республика не могла много уделять на дело народного образования, ее правительство не могло требовать от разоренного населения точного исполнения своих постановлений» [Там же].

И все же решениями министерства от 4 и 6 декабря 1800 года в Швейцарии были заложены «первые камни для дальнейшего правильного развития школьного дела. В силу этих постановлений каждая община обязана иметь одну школьную комнату и отоплять ее на свой счет в зимнее время, выплачивать жалованье учителю, не менее 80 франков. А каждый отец семейства должен был зимою посылать своих детей в школу» [2, с. 6-7]. Таким образом, кантоны издавали собственные школьные законы и инструкции, исходя из того положения, что заботы об образовании юношества являются «неизбежною и высшею целью государства, священною обязанностью правительства» [Там же, с. 4].

В то же время «нашествие Наполеона, изменившее политическое положение Швейцарии, естественно отразилось и на развитии школьного дела; оно отодвинулось на задний план и даже во многих кантонах стало приходить в упадок, так как правительство снова оставило заботы о школах и передало их попечению церкви» [Там же, с. 8]. И хотя «пасторы с большим усердием при посредстве значительных частных пожертвований и небольшой субсидии со стороны правительства учреждали курсы для учителей, дававшие хорошие результаты» [Там же, с. 7-8], их все же было недостаточно.

Только с 1803 года, когда Гельветическая республика пала, энергия деятелей народного образования заставила «кантональные правительства внести в число своих обязанностей и заботу о народном просвещении и оказывать материальную поддержку в этом деле частной инициативе, которая принимает очень широкие размеры. Песталоцци, Целлером, Феленбергом, Жираром основываются образцовые школы, учительские институты, вводятся реформы в методы преподавания, заимствуемые отсюда и другими государствами» [4, с. 14]. Под руководством Песталоцци в 1808 году в Ленцбурге образовалось «Швейцарское общество для образования», собиравшееся ежегодно для того, чтобы «отдельные деятели могли делиться друг с другом указаниями опыта» [2, с. 8]. В 1810 году было учреждено «Швейцарское человеколюбивое общество», на собраниях которого «деятельно обсуждался вопрос лучшей подготовки учителей» [Там же]. Однако, по справедливому замечанию К. Д. Ушинского, «образцовые воспитательные заведения Песталоцци и Фелленберга долго были

цветущими, но одиночными оазисами в швейцарском учебном мире, и бок о бок с этими блестящими явлениями швейцарские школы продолжали долго прозябать в самом жалком виде, тогда как идеи великих швейцарских педагогов оживляли уже школы Германии, Бельгии, Англии» [9, с. 88].

Очередные изменения в политическом строе Швейцарии, произошедшие в 1813 году, по мнению дореволюционных историков образования, вновь задержали развитие швейцарской школьной системы. Решениями стран-победителей кантонам была возвращена полная самостоятельность в этой сфере. Венский конгресс, «уничтожив союзное правительство и облегчив городскому патрициату борьбу с демократическими элементами отдельных кантонов, в то же время передал школу всецело в руки религиозных общин и сделал их таким образом чисто конфессиональными школами, которыми заведовало духовенство» [4, с. 14-15]. Только в 1819 году «после реакционного затишья», по оценке И. Берлина, стал наблюдаться «подъем общественной деятельности. Снова начинают возбуждаться вопросы о средствах для поднятия народного образования, улучшения учительских институтов, распространения школ и в более бедных сельских общинах, наконец сами кантоны начинают реформировать свои школьные законодательства (в 1829 году Нидвальден, в 1830 году Люцерн издали новые школьные законы), когда наконец революция 1830 года, снова объединившая кантоны в союзное государство, положила прочное основание народному образованию и обеспечила ему дальнейшее развитие» [Там же, с. 15]. Все эти действия центральных и местных властей Швейцарии были положительно восприняты прогрессивной педагогической общественностью России, как и сама швейцарская методика организации школьного дела. К. Д. Ушинский отметил, что в первые 30 лет XIX века в Швейцарии «подготовились люди и идеи, которые и вышли на сцену по перемене правительств» [9, с. 95].

Демократическая Конституция 1830 года, предоставив одинаковые права всему населению, позволила приступить к введению на всей территории Швейцарии обязательного общего образования, вытеснив из этой сферы Церковь и ее служителей. Кантональные правительства «задаются целью поднять умственное развитие всего народа, не жалея на это сил и средств» [4, с. 15]. По словам К. Д. Ушинского, «1830 год недаром считается годом возрождения Швейцарии» [9, с. 98].

Не осталось незамеченным в России, что в Швейцарии «все существующие виды школ (низшие и средние) приводятся в органическую связь, духовенство устраняется от всякого влияния на школу, число школ увеличивается вновь открываемыми, и поднимается вопрос об основании высших федеральных школ (университета и технической школы), но вместо них в Цюрихе (1833 г.) и Берне (1836 г.) основываются кантональные университеты» [4, с. 15]. Несмотря на то, что в «лице Песталоцци, Фелленберга и Жирара Швейцария имела уже за собою значительную историю в области педагогики, <...> преобразование всего школьного дела в кантоне Цюриха и в других кантонах произошло на совершенно других основаниях... во главе всего школьного дела в Цюрихе был поставлен Томас Шерр» [2, с. 8], сумевший распространить свое «влияние и авторитет... на всю немецкую Швейцарию, уничтожая» многое из созданного вышеупомянутыми знаменитыми швейцарцами [4, с. 15].

Педагоги России соглашались с мнением своих швейцарских коллег, что «тот метод преподавания, та организация народных и учительских школ, которых придерживался Шерр..., признаются гораздо менее рациональными, чем метод преподавания и организации школ названных педагогов, но тем не меньше своею неутомимую деятельностью Шерр сумел поднять школу очень высоко...» [Там же]. Как считалось в кругах российской педагогической общественности, «в оправдание такого выбора можно отметить, что система народной школы Шерра для своего времени представляла на самом деле много достоинств. Ясность и простота организации, точное определение требований программы, прекрасное методическое ее проведение, снабжение школ соответственными, отвечающими программе учебниками, отделение школы от влияния духовенства, забота о достойном положении и вознаграждении учительского персонала, развитие чувства солидарности между ними, преследование целей вполне достижимых, ограничение требований – вот главные черты, характеризующие преобразования Шерра» [2, с. 9].

Российское общество по достоинству оценило способность швейцарской системы образования к дальнейшим эволюционным изменениям. В кантонах, «соответственно требованиям времени, пришлось ввести дополнения, увеличить срок школьного обучения, улучшить школьные методы, ввести новые отрасли преподавания, но все-таки и по сие время школьное дело покоится на Шерровской системе» [Там же]. Такое утверждение вовсе не означало, что были забыты основатели швейцарской педагогической школы: «Учение Песталоцци воплощали в жизнь многие его ученики в своей практической деятельности в России. Среди них выделялись такие, как Иоганн-Конрад Тоблер и Иоганнес фон Муральт. В 1845 г. Муральт организовал празднование столетнего юбилея Песталоцци, в котором приняла участие широкая русская педагогическая общественность» [7, с. 93]. Идеи Песталоцци поддерживались такими корифеями русской культуры как В. А. Жуковский, В. Г. Белинский и др.

С большим интересом в российском обществе и настороженно во властных структурах было воспринято то, что в 1848 году союзный совет Швейцарии своим постановлением предоставил заведывание школами кантонам, которые со своей стороны «в деле развития школьного обучения действовали сообразно их политическому и культурному развитию» [2, с. 9]. Именно с этого времени, по мнению российских деятелей образования, в Швейцарии «развитие народных школ и народного образования, ничем не останавливаемое, быстро подвигалось вперед. Кроме множества низших и средних школ, в 50-х и 60-х годах основывается еще несколько высших. В 1854 году исполнилась, наконец, хотя лишь отчасти, заветная мысль швейцарцев основать высшие федеральные школы, но вместо университета и высшей политической школы была основана в Цюрихе только последняя; в 1866 году кантон Невшатель открывает у себя академию с юридическим, теологическим и философским факультетами, и наконец в 1873 г. Женева преобразует основанную Кальвином академию в университет. С 1874 года, т.е. с года изменения Конституции 1848 года, начинается новая... эра в истории швейцарской школы...» [4, с. 15-16].

Швейцарская союзная Конституция 1874 года завершила дело распространения начальной школы по всей стране, обязав кантоны ввести у себя всеобщее обязательное обучение. Статья 27-я школьного устава от 19 апреля 1874 года гласила: «союз обязан независимо от политехнической школы учредить университет и поддерживать уже существующие подобные учреждения». Особенно привлекали российскую общественность те установления, по которым кантоны обязаны были заботиться «об обеспечении нужд элементарного образования, которое должно находиться исключительно под государственным управлением. Элементарное образование обязательно и бесплатно», «общественные школы должны быть посещаемы всеми, независимо от их взглядов и вероисповедания» [2, с. 9-10].

В действительности же российские исследователи истории становления швейцарской школьной системы вслед за швейцарскими коллегами знали и понимали, что «различие в постановке народной школы в отдельных кантонах так значительно, что попытка сделать общую характеристику швейцарской народной школы едва ли привела бы к каким-нибудь результатам. Обязательность обучения, бесплатность его и необязательность для учеников обучения религии являются чуть ли не единственными однородными чертами швейцарских народных школ; что же касается продолжительности обучения, программы его, учительского персонала и вообще всех остальных частей организации школьного дела, – то они чрезвычайно различны и находятся, главным образом, в зависимости: 1) от экономического положения кантона: кантоны промышленные, густонаселенные... оставляют, в большинстве случаев, далеко позади себя земледельческие и в особенности горные кантоны, с редким и бедным населением; 2) от географического его расположения: влияние его особенно сказывается в горных кантонах... о посещении школы в продолжение всего года не может быть речи...; 3) от того, к какой Церкви принадлежит кантон (католической или протестантской): влияние это особенно заметно в чисто католических кантонах (Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг и др.)» [4, с. 17-18].

В России XIX века вполне обоснованно, с пониманием собственной несостоятельности в сфере народного образования, осознавался факт нерациональности «такой постановки школьного обучения» в Швейцарии, «при которой оно находится в зависимости от столь многочисленных и разнообразных условий и не достигает намеченной цели (поднятия до определенного уровня умственного развития всех граждан)» [Там же, с. 18]. Тем интереснее было узнать, как преодолевались эти трудности в самой Швейцарии, где общественное мнение признавало противоречие «существующей ныне системы организации народной школы» параграфу 27 союзной Конституции. Выход был найден в результате дебатов: начальное обучение было введено повсеместно при материальной поддержке кантонов союзным правительством [Там же, с. 19]. Прозвучали лозунги «введения союзного контроля над школами и более точных требований от кантонов в области народного образования» [Там же, с. 19-20]. Таким образом, по мнению российского педагогического сообщества, в Швейцарии первой половины XIX века была создана вполне рациональная система образования, в условиях конфедерации учитывавшая и кантональные особенности. Конституция 1874 года, подводя итоги всему предшествующему периоду, гарантировала швейцарским гражданам обязательное всеобщее школьное образование. В России подобные гарантии были делом будущего...

Список литературы

1. Андреев А. Ю. Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России // Российская история. 2010. № 6. С. 40-47.
2. Белявский Н. Н. Народное образование в Швейцарии. Юрьев, 1897. 25 с.
3. Березовая Л. Г. Швейцария – традиционная наследница идей Венского конгресса // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 188-204.
4. Берлин И. Народное образование в Швейцарии // Образование. 1898. № 2. Отд. 1. С. 11-35.
5. Гершензон М. О. Братья Кривцовы. М.: Захаров, 2001. 239 с.
6. Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX вв. Л.: Наука, 1984. 276 с.
7. Кукушкин Ю. С. Образование как сфера взаимодействия культур народов России и Швейцарии // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей. М., 1995. С. 91-96.
8. Тозато-Риго Д. Отношения между Россией и кантоном Во в эпоху Ф. С. де Лагарпа // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 152-162.
9. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М. – Л., 1948. Т. 3. Педагогические статьи 1862-1870 гг.

THE SWISS SYSTEM OF EDUCATION OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Kozlov Oleg Vladimirovich, Doctor in History, Professor
Smolensk State University
olegkoz28@gmail.com

The author reveals the peculiarities of the Swiss education system perception by pre-revolutionary Russian history teachers since the beginning of the XIXth century till the adoption of the Constitution of 1874 that guaranteed universal compulsory education for children in all the cantons of Switzerland, and concludes that the Russian historiographers' constant interest to the Swiss experience was caused by the desire to use the latter in the process of organizing their own system of public education.

Key words and phrases: education system of Switzerland; the first half of the XIXth century; Switzerland; pre-revolutionary Russian historiography; La Harpe; Alexander I; Pestalozzi; Fellenberg.